

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Грачев М.А.^а, Зеленков А.С.^{б,*}, Слепцова А.В.^с

^а Омский государственный педагогический университет, ул. Партизанская, 4а, Омск, 644099

^б Тюменский государственный университет, ул. Ленина, 23, Тюмень, 625003

^с ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

E-mail: max803@yandex.ru (Грачев М.А.); a.s.zelenkov@utmn.ru (Зеленков А.С.); sleptsova_1993@mail.ru (Слепцова А.В.)

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КРАСНОЯРСКИЙ-IV ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Публикуются материалы 13 погребений из 8 курганов могильника Красноярский-IV, исследованного в 2009 г. в Усть-Ишимском районе Омской области. По результатам исследования предложен хронологический интервал функционирования некрополя в конце IV — начале VI в. н.э., что соответствует появлению памятников карымского типа нижнеобской историко-культурной общности на территории южной тайги Западной Сибири. Признаки искусственной деформации черепа, возведение небольших насыпей, кремации, наличие восточноевропейского и среднеазиатского импортов демонстрируют причастность карымского населения к эпохальным историко-культурным процессам, их контакты с соседними лесостепными и южнотаежными культурами Урало-Сибирского региона.

Ключевые слова: карымский тип памятников, Великое переселение народов, южнотаежное Прииртышье.

Введение

Относительно устойчивое существование саргатской культуры на протяжении почти тысячи лет прервалось в эпоху Великого переселения народов. Упадок культуры объясняется ухудшением природно-климатических условий на крайних северных [Морозов, 2003, с. 166] и южных [Рябогина, Иванов, 2013, с. 138] рубежах ареала, приведшим к притоку степных и таежных мигрантов [Матвеева, 2016, с. 217–222]. Все это способствовало появлению новых очагов культурогенеза в Западной Сибири, и в частности в южнотаежном Прииртышье. До недавнего времени в регионе был известен только один памятник IV–VI вв. н.э. [Скандаков, Данченко, 1999], что существенно осложняло исследование вопросов происхождения и развития культуры начала средневековой эпохи. Представляемые в данной статье материалы курганного могильника Красноярский-IV еще раз подчеркивают особое место карымского наследия в историко-культурном развитии южнотаежного Прииртышья.

Объекты исследования

Курганный могильник Красноярский-IV был открыт И.В. Моревым в 1989 г., повторно осмотрен И.М. Колесниковой в 2003 г. Некрополь находится в Усть-Ишимском районе Омской области и представлен цепочкой из 39 небольших насыпей, вытянутых вдоль кромки коренной террасы р. Иртыша (рис. 1). В ходе полевых работ в 2009 г. под руководством М.А. Грачева суммарно было изучено 10 курганов (8, 12, 13, 15, 17, 20, 18, 19, 24 и 26) шестью раскопами в восточной и центральной частях могильника (рис. 1). В публикацию не вошли маловыразительные комплексы из курганов 12 и 26.

Курганные насыпи могильника сформированы из песочного грунта, овальной, реже — округлой формы, диаметром от 4 до 10 м и высотой до 1 м. Они расположены двумя группами с 50-метровым промежутком, образованным естественным повышением террасы. Западная группа представлена сплошной цепочкой курганов с шагом от 5 до 10 м, а восточная, вероятно, устроена по принципу родового кладбища в виде нескольких скоплений, где центральными являлись более крупные насыпи. Практически все они нарушены грабительскими ямами.

Источники

Курган 8. *Погребение 1* (рис. 2, 5) располагалось в юго-восточном секторе кургана, проявилось вначале на фоне материка в виде овального пятна размерами 1,60×1,10×0,85 см, ориен-

* Corresponding author.

Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов

тированного по линии СЗ–ЮВ. Впоследствии яма уменьшилась до размеров 1,30×0,7 м, 0,6 м в глубину и приобрела подпрямоугольную форму. В ее южной части осталась ступенька шириной и высотой до 0,2 м, вероятно от перекрытия. Общая глубина погребения с отвесными стенками составила 1,08 м, его заполнение было представлено светло-желтым суглинком, мешанным с углем и комочками прокаленной почвы. Сохранились кальцинированные фрагменты длинных костей ног и ребер ребенка, находившиеся в анатомическом порядке. В шейном отделе лежала бронзовая плоская гривна в обломках (рис. 2, 1).

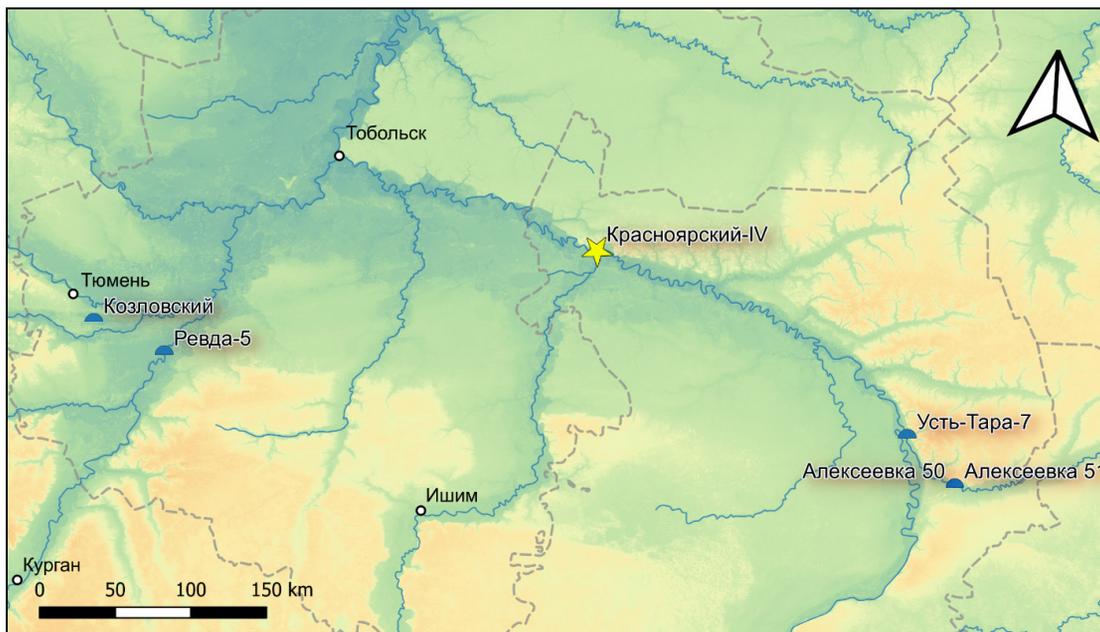

Рис. 1. Карта-схема расположения могильников карымского типа в Тоболо-Иртышье.

Fig. 1. The map of burial complexes location of the Karym type in the territory between Tobol and Irtysh rivers.

Курган 8. *Погребение 2* (рис. 2, 6), в виде ямы прямоугольной формы размерами 1,4×0,75 м, глубиной до 0,25 м, ориентированной по линии С–Ю. От индивида сохранились коронки молочных зубов верхней и нижней челюстей. На фрагментах жевательной поверхности полностью отсутствуют следы стирания, скорее всего на момент смерти зубы находились в теле нижней челюсти. Такая ситуация характерна для периода первого детства (*Infantilis I*)¹. В пояском отделе обнаружены прямоугольные накладки от ремня (рис. 2, 2) из узких пластин с двумя выпуклыми шляпками и бронзовый дрот (рис. 2, 2).

Курган 8. *Погребение 3* (рис. 2, 6), в виде ямы овальной формы размерами 2×0,75 м, глубиной до 0,3 м, ориентированной по линии СЗЗ–ЮВВ и прорезавшей северный торец погребения 2. По центру фиксировался прокол, из которого происходили кальцинированные фрагменты свода черепа. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Курган 13. *Погребение 1* (рис. 2, 4), в виде ямы прямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,20×0,64×0,30 м, ориентированной по линии С–Ю с небольшим отклонением к востоку. Стенки ямы отвесные, дно ровное. На дне могилы, в ее северо-восточном и юго-западном углах, на фоне ярко-рыжего прокала располагались деревянные плахи размерами 40–50×5–12 см от перекрытия. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Курган 15. *Погребение 1* (рис. 3Б, 6) в виде ямы подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 2,15×1,1 м, глубиной 0,55 м, ориентированной по линии С–Ю, со ступеньками шириной и высотой до 0,2 м от перекрытия. Стенки отвесные, дно ровное. В могиле сохранилась обожженная нижняя челюсть взрослого человека. Там же были обнаружены развал карымского горшка (рис. 3Б, 5) и бронзовая гривна (рис. 3Б, 4), обернутая в бересту. У западной

¹ Сохранность костного материала не позволяет определить пол и возраст большинства индивидов. Возраст смерти пяти погребенных определен по степени облитерации швов черепа и стертости зубов [Ubelaker, 1989; Buikstra, Ubelaker, 1994]. Для описания стертости использовалась пятибалльная шкала для фронтальных зубов и шестибалльная для заклыковых [Зубов, 1968].

стенки лежали железный нож (рис. 3Б, 3) с остатками деревянных ножен (разрушились при расчистке) и железное тесло (рис. 3Б, 4), по центру — железная пряжка (рис. 3Б, 1), у восточной стенки — обуглившийся фрагмент дерева размерами 0,25×0,15 м.

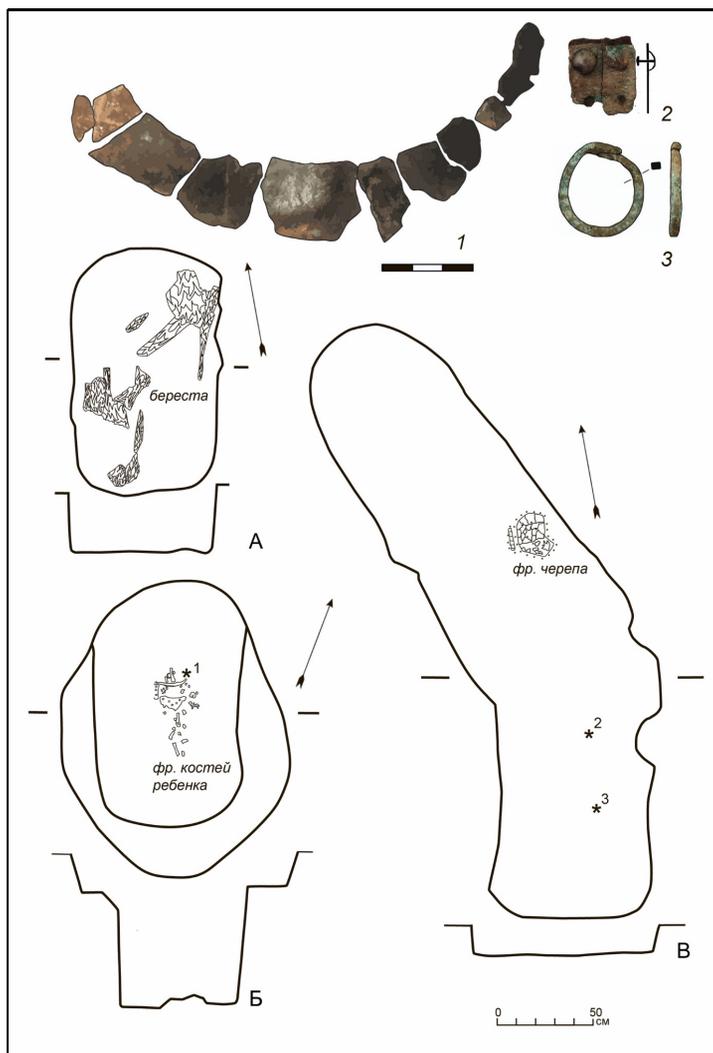

Рис. 2. Курганный могильник Красноярский-IV:

А — курган 13, погребение 1; Б — курган 8, погребение 1 (1 — бронза); В — курган 8, погребение 1 и погребение 2 (2, 3 — бронза).

Fig. 2. Krasnoyarsky-IV burial ground:

A — mound 13, burial 1; B — mound 8, burial 1 (1 — bronze); B — mound 8, burial 1 and burial 2 (2, 3 — bronze).

Курган 17. *Погребение 1* (рис. 3А, 3), в виде ямы подпрямоугольной формы размерами 2,38×0,82 м, глубиной до 0,4 м, ориентированной по линии С–Ю с отклонением на запад. Восточная стенка имела скругленную форму со ступенькой высотой 10 см. Северная стенка имела ступеньку шириной 15 см. Дно ямы ровное. В северной части могилы были обнаружены останки индивида, в частности кости плохо сохранившегося черепа и фрагменты челюсти, в южной части — неудовлетворительной сохранности бедренные кости и фрагменты костей голени (не сохранились). Возраст индивида определен как старческий (*senilis*), так как швы черепа полностью закрыты (балл 3), а сохранившиеся коронки зубов стерты значительно, в частности, коронка первого нижнего моляра стерта до шейки, коронка второго — до половины высоты. Свод черепа значительно деформирован (рис. 3Б, 1) при жизни индивида при помощи эластичных повязок и дощечек. Зафиксированную деформацию можно отнести к циркулярному (кольцевому) типу (по классификации Е.В. Жирова) [Жиров, 1940, с. 88–95]. Инвентарь представлен бедно — развалом карымского сосуда (рис. 3А, 2).

Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов

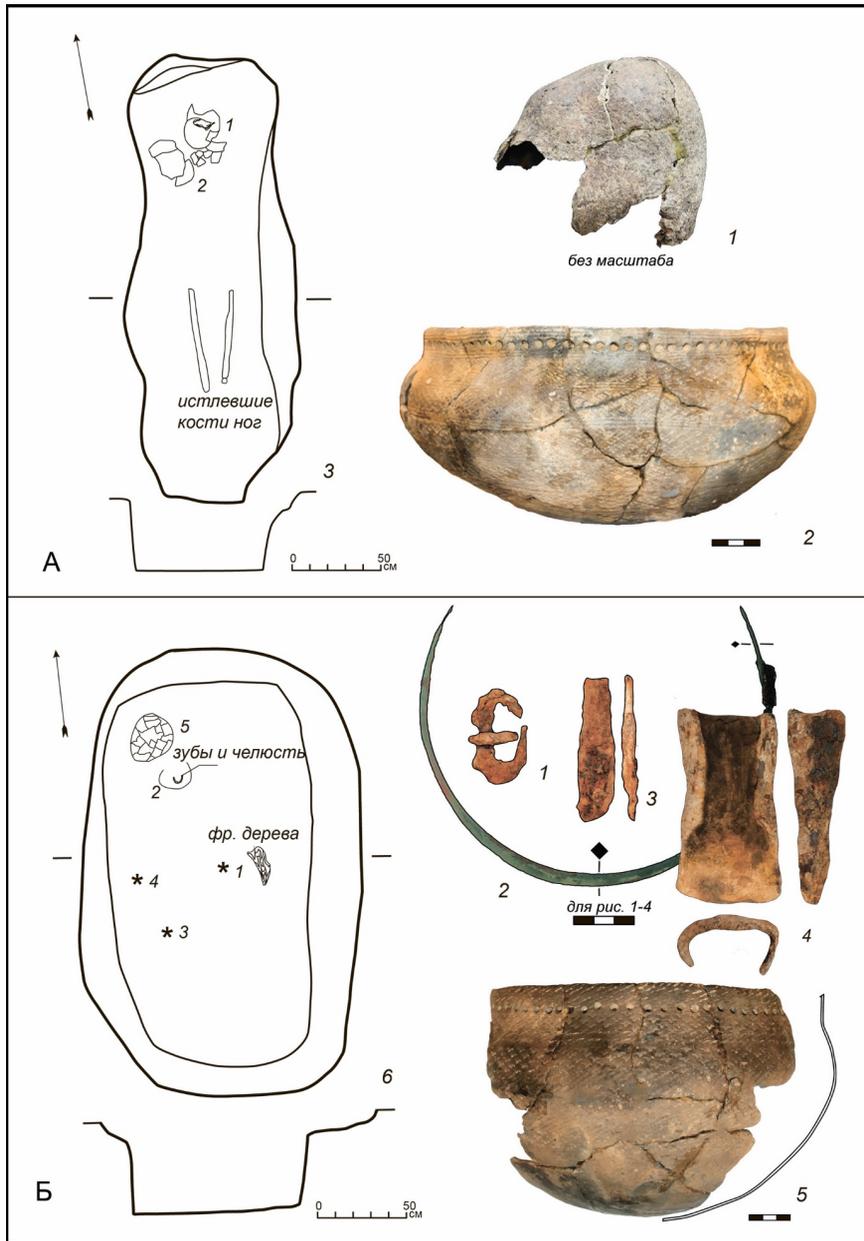

Рис. 3. Курганный могильник Красноярский-IV:

А — курган 17, погребение 1 (1 — остатки свода черепа, 2 — глина); Б — курган 15, погребение 1 (1, 3, 4 — железо, 2 — бронза, 5 — глина).

Fig. 3. Krasnoyarsky-IV burial ground:

A — kurgan 17, burial 1 (1 — remains of the cranial vault, 2 — clay); Б — kurgan 15, burial 1 (1, 3, 4 — iron; 2 — bronze; 5 — clay).

Курган 18. *Погребение 1* (рис. 4А, 4), в виде ямы овальной формы размерами 1,2×0,7 см, глубиной 0,36–0,4 м, ориентированной по линии С–Ю. Человеческих останков обнаружено не было. В головном конце могилы найдены небольшой сосуд карымского типа (рис. 4А, 3) и две округлые поперечно сжатые бусины из глухого стекла сизо-зеленого цвета с гладкими краями (рис. 4А, 1, 2).

Курган 18. *Погребение 2* (рис. 4Б, 6), в виде ямы подовальной формы размерами 1,36×0,7–0,9 см и глубиной 0,3 м, ориентированной по линии СЗЗ– ЮВВ. Человеческих останков обнаружено не было. В изголовье могильной ямы стоял керамический сосуд (рис. 4Б, 5), орнаментированный округлыми ямками по верхней части шейки и плечам, внутри него лежала бронзовая пряжка на кожаном ремешке (рис. 4Б, 4). В шейном отделе были собраны керамическая бусина (рис. 4Б, 3), две стеклянные бусинки (рис. 4Б, 1, 2), фрагменты неопределенного железного предмета.

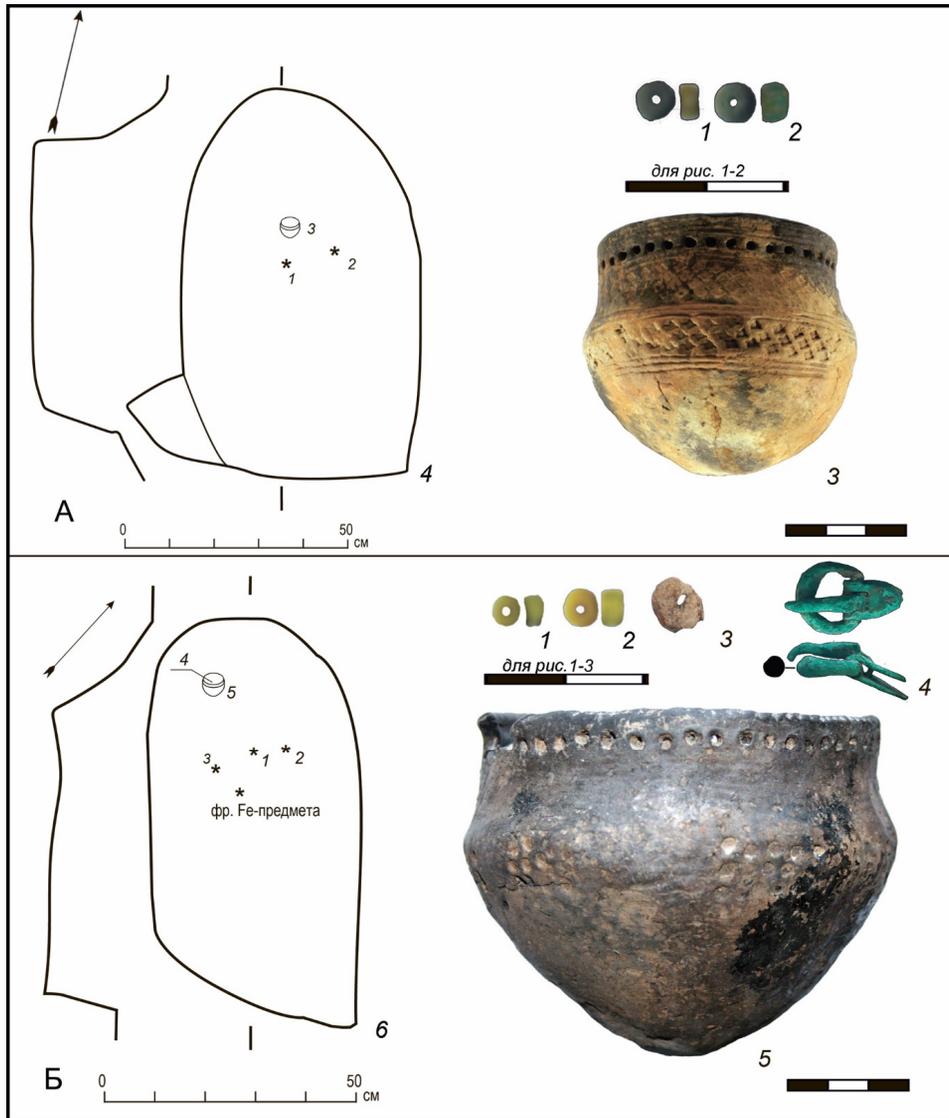

Рис. 4. Курганный могильник Красноярский-IV:

А — курган 18, погребение 1 (1, 2 — стекло, 3 — керамика);

Б — курган 18, погребение 2 (1, 2 — стекло, 4 — бронза, 5 — глина).

Fig. 4. Krasnoyarsky-IV burial ground:

A — kurgan 18, burial 1 (1, 2 — glass, 3 — ceramic); Б — kurgan 18, burial 2 (1, 2 — glass, 4 — bronze, 5 — clay).

Курган 18. *Погребение 3* (рис. 5Б, 19), в виде ямы овальной формы, размерами 2,62×1,32–1,05 см, глубиной 0,80 м, ориентированной по линии С33–ЮВВ. От индивида 16–20 лет сохранились фрагменты нижней челюсти и коронки постоянных зубов. В головном конце на уровне материка располагались карымский сосуд (рис. 5Б, 18), бронзовая гривна на берестяном полотне (рис. 5Б, 14), бронзовые спиралевидные височные подвески (рис. 5Б, 9, 10) с напускными бусинками на конце (рис. 5Б, 9), парные бронзовые трапециевидные подвески (рис. 5Б, 11–13), стеклянные бусы (рис. 5Б, 1–6), бронзовые трубчатые пронизки с красными бусинами распределителями (рис. 5Б, 8). В пояском отделе обнаружено берестяное полотно П-образной формы размерами 0,38×0,49 см, покрывавшее остатки пояса из последовательно соединенных узких подпрямоугольных бронзовых накладок (рис. 5Б, 16), аналогичных тем, что были в погребении 2 кургана 8 (рис. 2, 2). К нему были прикреплены деревянные ножны, украшенные бронзовым стержнем с зооморфной полый подвеской на конце (рис. 5Б, 15). С западной стороны от него лежал бронзовый перстень с овальным щитком (рис. 5Б, 7). Еще один карымский сосуд стоял вверх дном в ножном конце погребения, под ним находился каменный оселок (рис. 5Б, 17).

Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов

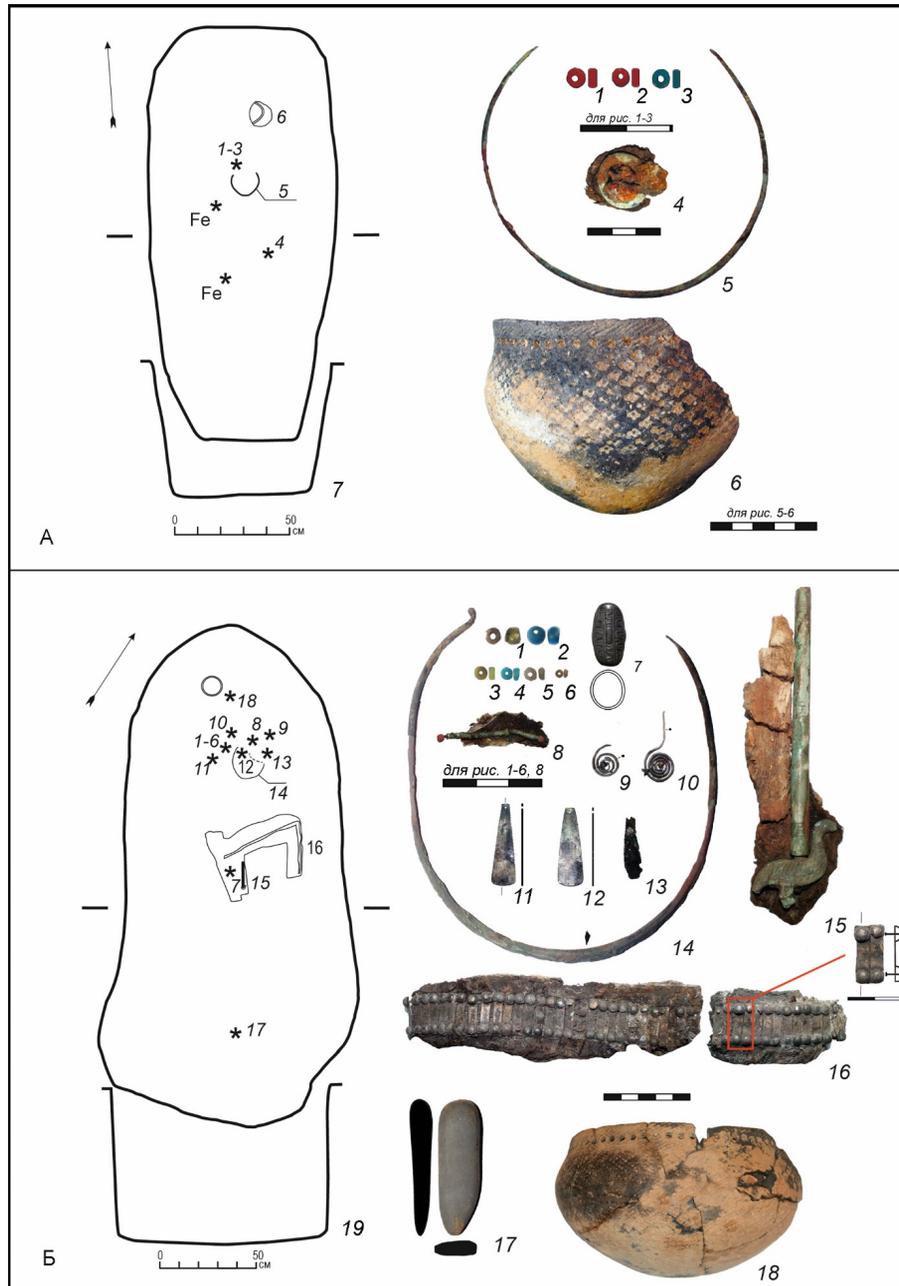

Рис. 5. Курганный могильник Красноярский-IV:

А — погребение 1 кургана 19 и вещи (1–3 — стекло, 4, 5 — бронза, 6 — глина);
 Б — погребение 3 кургана 18 и вещи (1–6 — стекло, 7–16 — бронза, 17 — камень, 18 — глина).

Fig. 5. Krasnoyarsky-IV burial ground:

А — kurgan 19, burial 1 and finds (1–3 — glass, 4, 5 — bronze, 6 — clay);
 Б — kurgan 18, burial 3 and finds (1–6 — glass, 7–16 — bronze, 17 — stone, 18 — clay).

Курган 19. *Погребение 1* (рис. 5А, 7), в виде ямы подпрямоугольной формы размерами 1,80×0,52–0,82 м, глубиной до 0,56 м, ориентированной по линии С–Ю. Яма имела слегка наклонные стенки и плоское дно. От индивида сохранилась челюсть с изолированными зубами молочной и постоянной смен. Корни молочных зубов полностью сформированы, на жевательной поверхности отсутствуют следы стирания. Коронки фронтальных зубов постоянной смены развиты на половину своей высоты, коронки первых постоянных моляров полностью сформированы, находятся в теле челюсти. Данные признаки характерны для ребенка 3–4 лет. В северном конце могилы лежали карымский сосуд (рис. 5А, 6), на подложке из бересты бронзовая

ромбовидная в сечении гривна (рис. 5А, 5), три стеклянные бусины — две красные и одна синяя (рис. 5А, 1–3). В поясном отделе обнаружена бронзовая пряжка (рис. 5А, 4). У западной стенки обнаружены фрагменты неопределенных железных изделий.

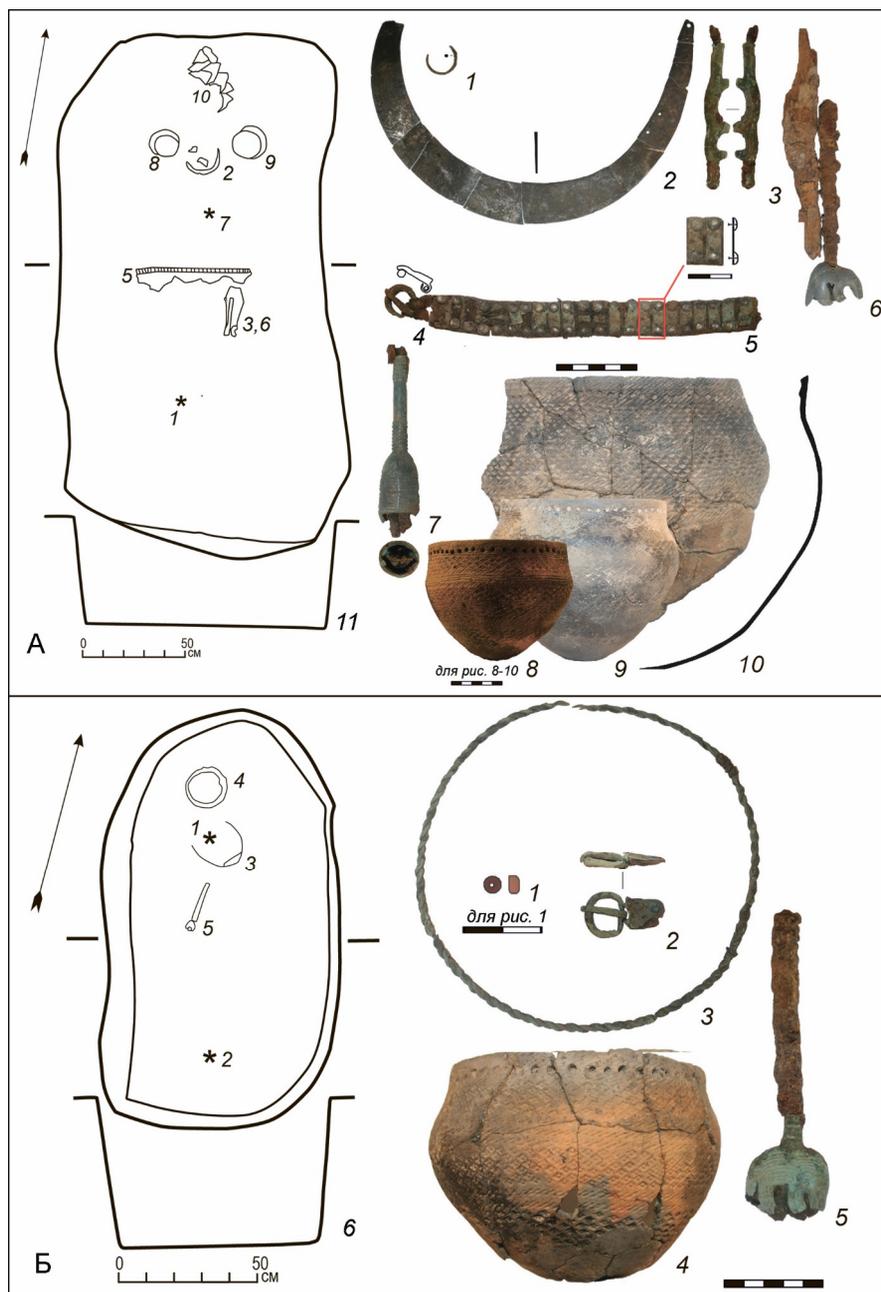

Рис. 6. Курганный могильник Красноярский-IV:
 А — курган 20, погребение 1 (1, 2, 5, 7 — бронза, 6 — бронза и железо, 3 — железо);
 Б — курган 20, погребения 2 (1 — стекло, 2, 3, 5 — бронза, 4 — глина).

Fig. 6. Krasnoyarsky-IV burial ground:
 А — kurgan 20, burial 1 (1, 2, 5, 7 — bronze, 6 — bronze and iron, 3 — iron);
 Б — kurgan 20, burials 2 (1 — glass, 2, 3, 5 — bronze, 4 — clay).

Курган 20. *Погребение 1* (рис. 6А, 11), в виде ямы подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 2,5×1,15 м, глубиной 0,5 м, ориентированной по линии С–Ю. Стенки отвесные, дно ровное. От индивида 20–25 лет сохранились два фрагмента челюсти с изолированными зубами верхней и нижней челюстей, в центре ямы обнаружен тлен от бедренных кос-

Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов

тей. В северной части могилы стояло три сосуда карымского типа (рис. 6А, 8–10). Между ними, на уровне шеи, лежала бронзовая плоская гривна (рис. 6А, 2), завернутая в бересту. В поясном отделе найдена бронзовая пряжка (рис. 6А, 4) с набором бронзовых накладок (рис. 6А, 5) от ремня. К нему с восточной стороны крепились деревянные ножны, украшенные трубчатыми пронизями (рис. 6А, 3) с зооморфными полыми бронзовыми подвесками (рис. 6А, 6) на конце. Нож сохранился в виде отдельных сильно коррозированных фрагментов. В ножном конце могилы были зафиксированы бронзовый дрот (рис. 6А, 1), железные предметы плохой сохранности и трубчатая кость животного.

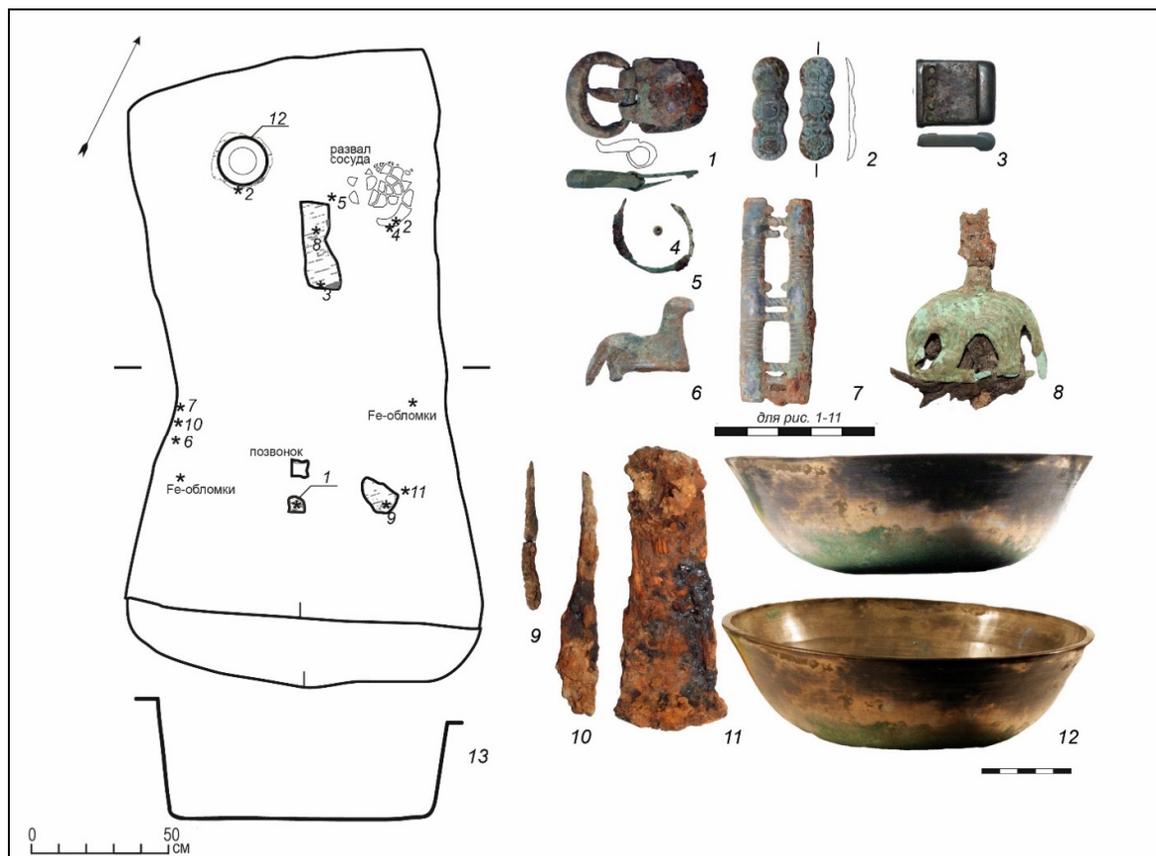

Рис. 7. Курганный могильник Красноярский-IV: курган 24, погребение 1 (1–3, 5–8, 12 — бронза, 5 — стекло, 9, 11 — железо).

Fig. 7. Krasnoyarsky-IV burial ground: kurgan 24, burial 1 (1–3, 5–8, 12 — bronze, 5 — glass, 9, 11 — iron).

Курган 20. *Погребение 2* (рис. 6Б, 6), в виде ямы подпрямоугольной формы со скругленными углами размерами 1,36×0,82 м, глубиной 0,53 м, ориентированной по линии С–Ю. Стенки покатые, дно ровное. Кроме этого, зафиксирована ступенька по краям могилы от перекрытия. От скелета индивида сохранилось только два зуба в головном конце могилы, иных останков обнаружено не было. В изголовье погребения располагались карымский сосуд (рис. 6Б, 4), бронзовая витая гривна (рис. 6Б, 3), обернутая остатками кожи, красно-коричневая бусинка (рис. 6Б, 1), а также сильно коррозированный и плохо поддававшийся расчистке фрагмент железного изделия. В центре могилы был обнаружен комплекс из остатков деревянных ножен, состоящих из железного стержня с бронзовой полый зооморфной подвеской на конце (рис. 6Б, 5). В ножном конце погребения лежала бронзовая щитковая пряжка с остатками кожного ремня (рис. 6Б, 2), а чуть восточнее — сильно коррозированный неопределенный железный предмет.

Курган 24. *Погребение 1* (рис. 7), в виде ямы подпрямоугольной формы, размерами 2,2×1,25 м, по центру шириной до 0,98 м, глубиной до 0,43 м, ориентированной по линии СЗ–ЮВ. Стенки слегка покатые, в южном конце зафиксирована ступенька от перекрытия, дно ров-

ное. Кроме этого, у юго-восточного угла ямы отмечался мощный прокал трапециевидной формы размерами 1,1 м × 0,2 см, глубиной до 0,5 м. Останки индивида представлены фрагментами кальцинированных костей. В северном конце могилы лежали бронзовая чаша (рис. 7, 12) на берестяной обкладке округлой формы, бронзовые накладки (рис. 7, 2), бисер (рис. 7, 4) и фрагменты карымского сосуда. Под ними вдоль погребения фиксировалась полоска бересты размерами 0,2×0,1 м, покрывавшая бронзовую пряжку (рис. 7, 1), наконечник ремня с остатками кожи (рис. 7, 3) и орнитоморфную полую подвеску с остатками кожаного шнура (рис. 7, 8), обломки бронзового кольца (рис. 7, 5). У западной стенки обнаружены обломок железного ножа (рис. 7, 10), бронзовые полые спаренные пронизки с продетым в них тонким кожаным шнуром (рис. 7, 7) и бронзовая зооморфная подвеска (рис. 7, 6), завернутая в бересту. В юго-восточном углу обнаружены тесло (рис. 7, 11) и черешок железного ножа (рис. 7, 9).

Обобщая характеристики погребений Красноярского-IV некрополя, можно предположить, что население южнотаежного Прииртышья конца IV — VI в. н.э. совершало погребения под небольшими курганами в одиночных неглубоких подпрямоугольных или овальных ямах. Судя по расположению инвентаря и сохранившимся останкам, умерших укладывали вытянуто на спине чаще головой на север с небольшим отклонением в западный сектор. Вещи размещали таким образом, как если бы их носили при жизни, сосуды устанавливали у головы, очень редко в ногах. Из-за высокой концентрации угля в заполнении могил и скоплений кальцинированных костей можем предполагать, что большая часть погребений была совершена по обряду трупосожжения.

Обсуждение

Для культурно-хронологической оценки памятника обратимся к поиску аналогий вещевым комплексам и наиболее ярким характеристикам погребального обряда. Гривны представлены проволочными (рис. 3Б, 2; 5Б, 13; 5А, 5), пластинчатыми (рис. 6А, 2) и витыми (рис. 6Б, 3) вариантами. Аналоги проволочным гривнам находим в материалах некрополя Усть-Тара-VII [Скандаков, Данченко, 1999, рис. 13, 1]. Пластинчатые плоские с небольшими округлыми отверстиями на концах для крепления на шее известны по материалам могильника Малгет Томско-Нарымского Приобья [Чиндина, 1991, рис. 32, 38]. Витые гривны были широко распространены в кокзельских и таштыкских памятниках Южной Сибири первой половины I тыс. н.э. [Тетерин 2001, с. 107–115].

Спиралевидным височным подвескам из тонкого бронзового дрота с напускной на конце бусинкой (рис. 5Б, 9, 10) прямые аналоги встречены в материалах Усть-Тары-VII, а также в могильнике Релка [Скандаков, Данченко, 1999, рис. 13, 5; Чиндина, 1991, рис. 32, 1]. Зооморфные полые подвески (рис. 6А, 6; 6Б, 5; 7, 6, 8) были широко распространены в Урало-Сибирском регионе: аналогичные рассматриваемым имеются в материалах могильника Козлов-Мыс-2 [Матвеева, 2012, с. 176, рис. 59, 18; с. 127, рис. 7, 5], Ипкульском, Устюг-1 могильниках, где датируются III/IV–VI вв. н.э.

Аналоги перстню с массивным орнаментированным овальным щитком (рис. 5Б, 7) находим в материалах памятников кулайской, релкинской и верхнеобской культур [Гусев, Федорова, 2012, рис. 32, 17, 18; Чиндина, 1991, рис. 32, 34, 35; Троицкая, Новиков, 1998, с. 102, рис. 15, 6].

Орнаментированная желобками пронизь с раздутым основанием (рис. 6А, 7) — не редкая находка в памятниках фоминской культуры [Ширин 2003, табл. LXVIII, 7, 8]. В них же представлены трубчатые (рис. 5Б, 15) [Там же, табл. LXXXVIII, 20, 21, 27] и спаренные (рис. 7, 7) [Там же, табл. ХС1, 10–12] варианты. Бусинки с диаметром поперечного сечения 3–5 мм, высотой 2–3,5 мм, с гладким краем из глухого сизо-бирюзового (рис. 4А, 1, 2), красного (рис. 5А, 1, 2), голубого (рис. 5Б, 4), темно-синего (рис. 5А, 3) желтого (рис. 4Б, 1, 2), оранжевого (рис. 6Б, 1) стекла, золоченые округлые бусы с закраинками вокруг отверстия (рис. 5А, 1) изготавливались в Северном Причерноморье в первых веках нашей эры [Алексеева, 1978].

Бронзовые трехсоставные пряжки с язычками, имеющими уступчик у основания, прижатыми концом к середине диаметра рамки, с треугольным, овальным или прямоугольным щитком (рис. 4Б, 4; рис. 6Б, 2; рис. 7, 1) — им по форме и разрезу аналогичны бесщитковые (рис. 5А, 4; 6А, 4). Пряжки подобной морфологии известны по материалам конца IV — V в. н.э. Прикамья (Мокинский и Бродовский могильники) [Перескоков, 2018, рис. 94б, 30, 35] и Южного Урала (ранняя часть Бирского могильника) [Мажитов, 1968, с. 124; Амброз, 1980, с. 48–49]. По мнению И.П. Засецкой, в Волго-Уралье данные типы пряжек производились местными мастерами под влиянием западных образцов, так как в Северном Причерноморье и в Западной Европе они изготавливались из серебра [Засецкая, 1994, с. 80–81].

Составные пояса из узких прямоугольных пластин со шпеньками-крепежами с двумя массивными выпуклыми шляпками (рис. 5Б, 16; 6А, 5) широко представлены в памятниках Крыма (Лучи-

стое) [Айбабин, Хайрединова, 2001, с. 76], Днестро-Дунайского междуречья (Кубей) [Субботин, Дзиговский 1990, рис. 17, 9], Приднепровья (Капуловка, Волниковский клад) [Комар, 2000, с. 43, рис. 2, 3; Радюш, Щеглова, 2014, с. 17], Казахстана (Канаттас) [Добжанский, 1990, табл. XIX, 3]. По мнению М.М. Казанского, данные пояса были популярны среди лесостепных и степных кочевников Восточной Европы в конце IV — первой половине V в. н.э. [2019, с. 60–61]. В данные хронологические рамки попадает коробчатый наконечник ремня с расширением на конце и закрытыми боками с пятью шпеньками-крепежами (рис. 7, 4). Широкий круг аналогов наконечникам «коробочкой» приводит И.П. Засецкая по материалам гуннского времени конца IV — V в. н.э. южнорусских степей [1993, с. 60–61; 1994, с. 67], при этом в Приуралье они существовали продолжительное время вплоть до VII в. н.э. в составе харинских поясов [Красноперов, 2012, с. 2018, рис. 1А].

Керамические наборы могильника (рис. 3А, 2; 3Б, 5; 4А, 3; 4Б, 5; 5А, 6; 5Б, 18; 6А, 8–10; 6Б, 5) в основном представлены горшковидными емкостями. По типологии карымской керамики Сургутского Приобья они относятся ко II типу, характеризующемуся наличием специфического ромбического штампа [Чемякин, Борзунов, 2015, с. 56]. Отличает находки на Красноярском могильнике от более северных плотная орнаментация, в том числе очень частая постановка штампов. Это может быть их локальной характеристикой, уже известной по поселенческим материалам южнотаежного Прииртышья.

Неорнаментированная бронзовая чаша в виде сферического сегмента с плоским дном. Граффити на чаше также отсутствуют. Подобные экземпляры известны из Согда и Пенджикента [Маршак 2017, рис. 279, 2], где датируются VI–VIII вв. н.э. [Маршак 2017, с. 104]. Подобные чаши происходят из Васюганского клада VII в. н.э. [Могильников, 1964, с. 227, рис. 1], могильника Архиерейская заимка [Беликова, Плетнева, 1983, с. 86]. Н.А. Лещинская и И.Ю. Пастушенко время поступления бронзовых чаш в Приуралье определяют VI–VII вв. н.э., а их происхождение связывают с мастерскими Центральной Азии [2018, с. 75].

Таким образом, при относительно небольшом количестве узко датированных вещей — пряжек и поясных наборов могильник Красноярский-IV предлагаем датировать широким хронологическим периодом в рамках конца IV — начала VI в. н.э., учитывая, что в комплексе присутствуют изделия, характерные как для конца раннего железного века (в небольшом количестве их существование вполне возможно и в более позднее время), так и для раннего средневековья (основной комплекс вещей и керамика). Данная датировка не противоречит устоявшимся представлениям относительно времени функционирования известных в литературе карымских могильников южнотаежного Тоболо-Иртышья — Козлов-Мыс-2 и Усть-Тара-VII. Существенно отличает Красноярский-IV могильник разнообразие импортов восточноевропейского и среднеазиатского происхождения, что позволяет предположить достаточно высокий социальный статус отдельных погребенных.

Включение карымского населения в общий процесс культурогенеза средневековых культур региона иллюстрируется сочетанием инноваций в погребальном обряде и традиций поздней саргатской культуры раннего железного века. Последнее свидетельствуется такими признаками погребального обряда, как расположение инвентаря в могилах, С и СЗ ориентировки, использование дополнительных конструкций в виде перекрытий и ровиков [Матвеева, 2016, с. 122–128]. Определенная связь с позднесаргатским населением Прииртышья прослежена по результатам сопоставления индивидуальных одонтометрических характеристик (рис. 8).

Инновации в погребальном обряде у населения эпохи Великого переселения народов южнотаежного Прииртышья проявились в следующих чертах: возведение небольших курганных насыпей и совершение захоронений по обряду трупосожжения. Первая была характерна для соседней лесостепной бакальской культуры, а также ряда культур Приуралья, в частности неволинской (бродовская стадия), харинской, турбаслинской. Обряд трупосожжения роднит карымские комплексы с потчевашской культурой конца VI — VIII в. н.э. [Могильников, Конилов, 1983], а также кулайской культурой, к которой, по мнению Т.Н. Троицкой, восходят истоки данной погребальной практики [1994, с. 182–183]. Признаки трупосожжения также встречены в ранних бакальских погребениях могильника Ревда-5 и карымских комплексах Козлов-Мыс-2 Притоболья [Матвеева, 2016, с. 124].

На территории Западной Сибири искусственная деформация черепа не является редкостью. В раннем железном веке традиция бинтования головы у детей существовала в саргатской среде на протяжении всего периода бытования культуры, причем ее распространенность среди населения увеличивалась в поздний период. Наибольшее количество деформированных черепов зафиксировано в выборке из Прииртышья (24 % из 53 обследованных черепов). В Прииртышье деформация встречена в 15 % случаев (из 94 черепов). В Притоболье количество деформированных черепов — 6 % (из 32 черепов). Наибольшая доля деформированных черепов встречена в се-

рии кашинской культуры из могильника Абатский 3 (42 %) [Ражев, 2006]. В эпоху Великого переселения народов распространение кольцевой деформации черепа приобретает массовый характер, достигая 75 % от общего числа погребенных в отдельных могильниках Западной Сибири [Слепцова, 2016]. В данном контексте череп из погребения 1 кургана 17 Красноярского-IV могильника (рис. 3А, 1) по степени деформации сопоставим с черепами из Усть-Тары VII [Скандаков, Данченко, 1999] и подобен образцам из могильников Устюг-1 и Ревда-5 лесостепного населения Приобья [Матвеева, 2016, с. 215]. О популяционных связях южнотаежных и лесостепных групп населения свидетельствуют результаты сопоставления индивидуальных размерных характеристик первых нижних моляров (рис. 8), что отчасти подтверждает гипотезу о тесных контактах бакальских и карымских групп в IV–VI вв. н.э. [Данченко, 2008].

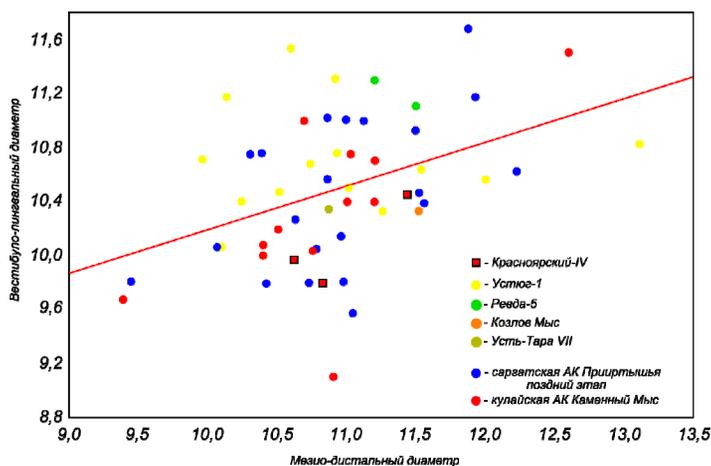

Рис. 8. Соотношение продольных и поперечных диаметров коронок постоянных нижних первых моляров индивидов с памятников эпохи Великого переселения народов Тоболо-Иртышья и раннего железного века (саргатская культура Прииртышья позднего периода, кулайская культура Новосибирского Приобья).

Fig. 8. Comparison of the sagittal and transverse diameters of the crowns of the permanent lower first molars of the Migration period Tobol-Irtysh River region and Iron Age samples (the Late Sargatka culture of Irtysh River region and Kulayka culture of Novosibirsk Ob River region).

Заключение

Таким образом, исходя из анализа вещей и погребений Красноярский-IV могильник следует рассматривать в кругу древностей карымского типа нижнеобской ИКО конца IV — начала VI в. н.э. Данный памятник примечателен сложным составом комплексов погребений, отчасти продолжающих традиции конца раннего железного века и вместе с тем характеризующихся уже чертами эпохи переселения народов. Это частично подтверждается антропологическими данными. Такое смешение традиций и сложный состав погребальных комплексов отмечают исследователями как свойственные времени функционирования могильника на пространствах Евразии.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований №№ проектов 19-39-90009, 20-49-720010 и госзадания № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новые ранние комплексы из могильника у с. Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Вып. VIII. С. 74–90.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12. 120 с.
- Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 3–56.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 246 с.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымская керамика таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1. С. 56–66.
- Гусев А.В., Федорова Н. В. Древнее святилище Усть-Полуй: Конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард, 2012.
- Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры: Материалы семинара. Челябинск: Рифей, 2008. С. 45–60.

Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов

- Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.
- Жиров Е.В.* Об искусственной деформации головы // КСИИМК. 1940. Вып. 8. С. 88–95.
- Засецкая И.П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 23–105.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.). СПб.: Эллипс, 1994. 224 с.
- Зубов А.А.* Одونتология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Казанский М.М.* О поясах с накладными узкими пластинами из могильника Лучистое // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 70-летию А.И. Айбабина. Симферополь: Антик ва, 2019. С. 60–64.
- Комар А.В.* Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2000. Т. 1. С. 19–55.
- Красноперов А.А.* Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатых инкрустаций) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: Конф. 3. Тула, 2012. С. 218–254.
- Лещинская Н.А., Пастушенко И.Ю.* Бронзовые чаши и изделия из них на раннесредневековых памятниках Камско-Вятского междуречья // РА. 2018. № 4. С. 66–81.
- Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 164 с.
- Маршак Б.И.* История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.
- Матвеева Н.П.* Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов: (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. 264 с.
- Матвеева Н.П.* Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. 178 с.
- Могильников В.А.* Васюганский клад // СА. 1964. № 2. С. 227–231.
- Могильников В.А., Конилов Б.А.* Могильник потчевашской культуры в Среднем Приитышье // СА. 1983. № 2. С. 162–182.
- Морозов В.М.* Бакальская культура, бакальский тип памятников: К истории изучения // Междунар. (XVII Урал.) археол. совещание: Материалы конф. Пермь, 2003. С. 166–167.
- Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. 320 с.
- Радюш О.А., Щеглова О.А.* Волниковский «клад» 1-й половины V в. н.э. в контексте синхронных древностей эпохи Великого переселения народов // Волниковский «клад»: Комплекс снаряжения коня и всадника 1-й половины V в. н.э.: Каталог коллекции. М.: Голден-Би, 2014. С. 4–27.
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н.* Реконструкция облика ландшафтов в Притоболье в раннем средневековье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 133–138.
- Ражев Д.И.* Обычай деформации головы у населения саргатской общности // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии: Сб. ст. конф., проведенной в Санкт-Петербурге в октябре 2004 г. СПб., 2006. С. 82–87.
- Скандаков И.Е., Данченко Е.М.* Курганный могильник Усть-Тара-VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность. Ежегодник. Вып. 3: Сборник науч. трудов. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 160–186.
- Слепцова А.В.* Обычай искусственной деформации черепа у населения Притоболья эпохи Великого переселения народов // Экология древних и традиционных обществ: Сб. материалов конф. Вып. 5: В 2 ч. Ч. 1. Тюмень, 2016. С. 57–60.
- Субботин Л.В., Дзиговский А.Н.* Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья: Курганные могильники Васильевский и Кубей. Киев: Институт археологии, 1990. 48 с.
- Тетерин Ю.В.* Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. № 6. С. 107–115.
- Троицкая Т.Н.* Лесостепное Приобье // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 169–184.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Чиндина Л.А.* История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 179 с.
- Ширин Ю.В.* Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э.: (Погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Buikstra J., Ubelaker D.H.* (eds). Standards for data collection from human skeletal remains // Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes. Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series, 1994. No. 44.
- Ubelaker D.H.* Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. 2nd ed. Washington, DC: Taraxacum, 1989.

Krasnoyarsky-IV kurgan cemetery of the Great Migration Period

The paper presents the materials of the Great Migration Period from the Omsk Irtys region, obtained during the excavations of the Krasnoyarsky-IV burial ground. In total, eight burial mounds with 13 burials were examined in 2009 by the expedition of the Omsk State Pedagogical University led by M.A. Grachev. The aim of this work is to determine regional features and chronology of the Krasnoyarsky-IV burial complexes, as well as some details of the historical and cultural development of the local population in the transitional period from the Iron Age to the early Middle Ages. The research methodology is based on comparative and typological analyses of the material complexes, morphological and constructional specifics of the burials, and on anthropological studies, including methods of odontology. According to the results of the study, the chronological interval of the functioning of the necropolis spans the end of the 4th — first decades of the 6th centuries A.D., which corresponds with the appearance of the Karym type monuments in the territory of the southern taiga of Western Siberia. The signs of artificial skull deformation, erection of small embankments, cremations, and Eastern-European and Central Asian imports suggest involvement of the Karym population in the epochal historical and cultural processes, as well as contacts with neighboring forest-steppe and southern taiga cultures of the Ural-Siberian region. Characteristics associated with the heritage of the cultures of the Early Iron Age, particularly, the Sargatka and Kulayka Cultures, were noted: orientation of the buried; location of the goods in the grave; ornamental and morphological features of the ware; and specific types of bronze decorations. The symbiosis of innovations and traditions of the previous epoch is partly confirmed by the anthropological characteristics in the ratio of the longitudinal and transverse diameters of the crowns of the permanent lower first molars.

Keywords: Karym type, Migration period, south taiga Irtys River region.

REFERENCES

- Aibabin, A.I., Khairedinova, E.A. (2001) New early complexes from the burial ground near the village Luchistoe in Crimea. In: *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, (8). Simferopol, 74–90. (Rus.).
- Alekseeva, E.M. (1978) Antique Beads from the Northern Pontic region. In: *Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vyp. G1-12*. (Rus.).
- Ambroz, A.K. (1980). Birsk burial ground and problems of chronology of the Urals in the 4–7 centuries AD. In: *Srednevekovye drevnosti evraziiskikh stepei*, Moscow, 3–56. (Rus.).
- Belikova, O.B., Pletneva, L.M. (1983). Archaeological sites of the Tomsk Ob region in the 5–8 centuries AD. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Borzunov, V.A., Chemiakin, Iu.P. (2015). Karym pottery of the taiga Ob region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 56–66. (Rus.).
- Buikstra, J., Ubelaker, D.H. (Eds.) (1994) Standards for data collection from human skeletal remains. In: *Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes*, (44). Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series.
- Chindina, L.A. (1991). History of the Middle Ob region in the Early Middle Ages. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Danchenko, E.M. (2008). On the description of the historical and cultural situation in the Middle Irtys region at the turn of the early Iron Age and the Middle Ages. In: *Problemy Bakal'skoi kul'tury: Materialy seminara*. Chelyabinsk: Rifei, 45–60. (Rus.).
- Dobzhanskii, V.N. (1990) *Belts with decorated plates of Asian nomads*. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Gusev, A.V., Fedorova, N.V. (2012). *The ancient sanctuary of Ust-Poluy: Constructions, actions, artifacts. Results of studies of planigraphy and stratigraphy of the site: 1935–2012*. Salekhard. (Rus.)
- Kazanskii, M.M. (2019). About belts with overlaid narrow plates from the Luchistoe burial ground. In: *Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu A.I. Aibabina*. Simferopol: Antikva, 60–64. (Rus.).
- Komar, A.V. (2000). Aktual'nye problemy khronologii material'noi kul'tury gunnskogo vremeni Vostochnoi Evropy. In: *Stepi Evropy v epokhu Srednevekov'ia*, (1). Donetsk, 19–55. (Rus.).

* Corresponding author.

Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов

Krasnoperov, A.A. Polychrome objects with cloisonne inlays in the Kama region ("before the Huns" style of cloisonne inlays). In: *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov: Konferentsiia 3*. Tula, 218–254. (Rus.).

Leshchinskaya, N., & Pastushenko, I. (2018). Bronze bowls and their derivatives from early medieval sites of the Kama-Vyatka Interfluve. *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 66–80. (Rus.). <https://doi.org/10.31857/s086960630003389-6>

Marshak, B.I. (2017). *History of Eastern toreutics of the III–XIII centuries, and problems of cultural continuity*. St. Petersburg: Akademiia issledovaniia kul'tury. (Rus.).

Matveeva, N.P. (2012). *Kozlovsky burial ground of the Great Migration time*. Tyumen: Tyumenskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).

Matveeva, N.P. (2016). *The Western Siberia in the Migration period: (Problems of cultural genesis according to the data of burial monuments)*. Tyumen: Tyumenskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).

Mazhitov, N.A. (1968). *The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle of I Millennium AD*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (1964). Vasiuganskii klad. *Sovetskaia arkheologiya*, (2), 227–231. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A., Konikov, B.A. (1983). Burial ground of the Potchevash culture in the Middle Irtysh region. *Sovetskaia arkheologiya*, (2), 162–182. (Rus.).

Morozov, V.M. (2003). The Bakal culture, Bakal type of monuments: towards the history of study. In: *Mezhdunarodnoe (XVII Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie: Materialy konferentsii*. Perm, 166–167. (Rus.).

Pereskokov, M.L. (2018). *Perm Ural region in final of Early Iron Age*. Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet. (Rus.).

Radiush, O.A., Shcheglova, O.A. (2014). The buried "treasure" Volnikovka of the 1st half of the 5th century AD in the context of synchronous antiquities of the Migration period. In: *Volnikovskii "klad": Kompleks snariazheniia konia i vsadnika 1-i poloviny V v. n.e.: Katalog kolleksii*. Moscow: Golden-Bi, 4–27. (Rus.).

Ryabogina, N.E., Ivanov, S.N. (2013). Reconstruction of the landscape of the Tobol region in the Early Middle Ages (based on the results of spore-pollen analysis of the buried soil of the Ustyug-1 burial ground). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 20(1), 133–138. (Rus.).

Shirin, Iu.V. (2003). *Upper Ob and foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the 1st millennium A.D.: (Burial monuments of the Fominsk culture)*. Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost'. (Rus.).

Razhev, D.I. (2006). The custom of deformity of the head among the population of the Sargatka community. In: *Nekotorye aktual'nye problemy sovremennoi antropologii*. St. Petersburg, 82–87. (Rus.).

Skandakov, I.E., Danchenko, E.M. (1999). Burial mound Ust-Tara-VII in the southern taiga Priirtyshie. In: *Gumanitarnoe znanie. Seriya Preemstvennost'. Ezhegodnik: Sbornik nauchnykh trudov*. Omsk: Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 160–186. (Rus.).

Sleptsova, A.V. (2016). The custom of artificial deformation of the skull among the population of the Tobol region of the era of the Great Nations Migration. In: *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Sbornik materialov konferentsii. Vyp. 5. Chast 1*. Tyumen, 57–60. (Rus.).

Subbotin, L.V., Dzigovskii A.N. (1990). *Sarmatian antiquities of the Dniester-Danube interfluve: The burial mounds of Vasilevsky and Kubey*. Kiev: Institut arkheologii. (Rus.).

Teterin, Iu.V. (2006) Grivnas of Hunno-Sarmatian era in South Siberian. In: *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii*, (6). Gorno-Altaysk, 107–115. (Rus.).

Troitskaia, T.N. (1994). Forest-steppe Ob region. In: *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri. Tom 2. Mir real'nyi i potustoronni*. Tomsk, 169–184. (Rus.).

Troitskaia, T.N., Novikov, A.V. (1998). *The Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob region*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).

Ubelaker, D.H. (1989). *Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. 2nd ed.* Washington, DC: Taraxacum.

Zasetskaia, I.P. (1993). Materials of the Bosphorus necropolis of the second half of the 4th — first half of the 5th centuries AD. In: *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, (3). Simferopol, 23–105. (Rus.).

Zasetskaia, I.P. (1994). *Culture of the nomads of the Southern Russian steppes in the Hun era*. St. Petersburg. (Rus.).

Zhirov, E.V. (1940). On artificial head deformation. *Kratkie soobshcheniia o polevykh issledovaniiakh Instituta istorii material'noi kul'tury*, (8), 88–95. (Rus.).

Zubov, A.A. (1968). *Odontology: Methodology for Anthropological Research*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Грачев М.А., <https://orcid.org/0000-0002-4374-2229>

Зеленков А.С., <https://orcid.org/0000-0001-6257-119X>

Слепцова А.В., <https://orcid.org/0000-0001-5791-248X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021